

УДК 241.38

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Соборность и соборы Русской православной церкви (XIII – начало XVII вв.). Каноническое право

Воронин И.К.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Россия, 680021, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47
E-mail: voronin@festu.khv.ru

Аннотация. Понятиям «церковный собор» и «соборность» посвящен обширный пласт литературы отечественных светских историков и историков церковного права, православных богословов. Однако взаимосвязь этих понятий далеко не ясна. Остаётся непонятным и то, какие коллективные мероприятия церкви можно считать собором. Методологически и то, и другое следует рассматривать с позиций историзма и одновременно с учётом не только истории церковного, канонического права и церковной догматики, но и наработок смежных дисциплин, в частности истории русского языка. Автор отвергает политизацию первого термина, предпринимаемую отечественными мыслителями и публицистами в последние полтора столетия. В то же время он приходит к выводу, что употребление в XV–XVII в. термина «соборность» в символе веры и церковные соборы как таковые легитимизовали существующую в то время власть, основанную на сословном представительстве. Автор выработал критерии отнесения к церковному собору отдельных коллективных церковных мероприятий и на основании конкретного материала дал их определение. В статье рассмотрен вклад отдельных церковных соборов в развитие Русской православной церкви.

Ключевые слова: символ веры, церковный собор, соборность, земский собор, вселенскость, мирь, сословное представительство, каноническое право, царь

Для цитирования: Воронин И.К. 2022. Соборность и соборы русской православной церкви (XIII – начало XVII вв.). Каноническое право. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(2): 261–270. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Conciliarism and Cathedrals of the Russian Orthodox Church (13th – early 18th centuries). Canon law

Ivan K. Voronin

Far Eastern State Transport University,
47 Serysheva St, Khabarovsk, Khabarovsk region 680021, Russian Federation
E-mail: voronin@festu.khv.ru

Abstract. An extensive literature of Russian secular historians and historians of church law, Orthodox theologians is devoted to church councils and the concept of "conciliarity". However, the relationship between these concepts is far from clear. It also remains unclear what collective events of the church can be considered a council. Methodologically, both should be considered from the standpoint of historicism, and, at the same time, taking into account not only the history of church law and church dogmatics, but also the developments of related disciplines, in particular the history of the Russian language. The author rejects the politicization of the first term, undertaken by Russian thinkers and publicists in the last century and a half. At the same time, he comes to the conclusion that the use of the term "conciliarity" in the symbol of faith in the 13th – 18th centuries and church councils, as such, legitimized the existing power at that time based on class representation. The author has developed criteria for attributing individual collective church events to a church council, and based on specific material has given their definition. The article examines the contribution of individual church councils to the development of the Russian Orthodox Church.

Keywords: symbol of faith, church council, conciliarity, zemstvo council, universality, mir, estate representation, canon law, tsar

For citation: Voronin I.K. 2022. The Conciliarity and Cathedrals of the Russian Orthodox Church (13th – early 18th centuries). Canon law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 261–270 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-261-270

Введение

Русская православная церковь – важнейший общественный институт российского государства. Авторитет церкви весьма высок в современном мире. В значительной степени этому способствует коллегиальный характер организации, который с наибольшей полнотой выражается в созыве церковных соборов. Ретроспективное изучение этого явления светскими и церковными исследователями позволяет выявить его роль в истории русского православия.

В отечественной науке имеется обширный пласт литературы, посвящённый разбору понятий «церковный собор» и «соборность», созданный трудами светских историков и философов [Воробьев, 1885; Мищенко, 2011; Петрушко, 2018; Черепнин, 1978], историков церковного права [Каптерев, 1906; Шаров, 1895; Цыпин, 1994], православными богословами [Афанасьев, 2003; Костромин, 2020; Макарий, 1883] на протяжении последних полутора столетий. Однако проблема заключается в том, что до сих пор нет ясности в вопросе о взаимосвязи этих понятий. Авторы допускают путаницу и в том, какие коллективные мероприятия церкви можно считать собором. Методологически эти понятия рассматриваются нами с позиций историзма и одновременно с учётом истории церковного, канонического права и церковной догматики. При этом учитываются наработки смежных дисциплин, в частности истории русского языка [Словарь... 1982; Словарь... 1996], а также имеющиеся в нашем распоряжении первичные источники [Памятники... 1880; Российское законодательство... 1880; Строев, 1877].

Автор отвергает политизацию термина «соборность», что нередко встречается в трудах отечественных мыслителей, публицистов, политических деятелей XIX–XX вв. На основании комплексного изучения литературы, первичных источников он приходит к выводу, что употребление в XV–XVII вв. термина «соборность» в символе веры и церковные соборы как таковые легитимизовали существующую в то время власть, основанную на сословном представительстве.

Традиция коллегиально принимать решения восходит ещё к библейским временам и находит подтверждение в созыве Вселенских соборов¹. Всего за период с 325 г. по 787 г. н.э. было проведено 7 Вселенских соборов, на которых присутствовали представители всех поместных церквей во главе с папой римским и византийским патриархом. Почетным председателем соборов был Византийский император. На соборах были приняты важнейшие решения, в том числе Символ веры, ставшие основой христианской догматики как на Западе, так и на Востоке. Русский читатель смог ознакомиться в полной мере с «деяниями» соборов только в конце XIX – начале XX вв. благодаря переводам их материалов, осуществленных богословами и учеными Казанской духовной академии. Безусловно, на «деяния» этих соборов, выразивших коллективную волю авторитетов церкви того времени, постоянно ссылались, а также с них брали пример. Одновременно они служили образцом организации процедуры выработки решений поместным церквам, в том числе и для русской православной. В истории РПЦ это ярко проявляется в созыве «освященных» (церковных) соборов допетровского периода, отражается в её церковной догматике.

¹ Деяния Вселенских соборов. 1908–1913. В 7-ми т-х. Изд. в рус. переводе при Казанской Духовной Академии. Изд. 3-е. Казань, Центральная Типография.

Целью данной статьи является формулирование определений понятиям «соборность» как символу веры и «соборы» в русской православной церкви исходя из исторических реалий XV–XVII вв.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются понятие «соборность», вписанное в один из членов Символа веры Русской православной церкви, и сами «освященные» церковные соборы как высший орган сословного представительства духовенства русской православной церкви.

Методами исследования главным образом является компаративистский междисциплинарный подход в сочетании с принципом историзма при рассмотрении фундаментальных понятий церковной догматики и церковной истории.

Соборность как базовое понятие в Русской православной церкви

Церковным соборам и понятию «соборность» посвящена обширная литература отечественных светских исследователей [Шаров, 1895; Мищенко, 2011; Петрушко, 2018], историков церковного права, православных богословов [Каптерев, 1906; Макарий, 1883; Афанасьев, 2003; Давыденков, 2017; Костромин, 2020]. Эти два понятия взаимосвязаны между собой. Однако и то, и другое следует рассматривать как с позиций историзма, так и с учётом наработок смежных дисциплин, в частности истории русского языка. О православной догматике следует высказаться отдельно, ибо она лежит в основе регулирования внутрицерковных отношений. В славянском (русском) переводе IX член Символа веры, принятого на Никео-Царьградском Вселенском соборе, излагается следующим образом: «В Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь верую». В ставшем уже классическом богословско-догматическом трактате XIX в. Архиепископ Макарий исходил из того, что точный перевод греческого слова *Καθολικῆ* («кафолическая») [Макарий, 1883, с. 241] означает «вселенство», истолковывает его как безграничность истинной православной церкви в пространстве и во времени (категория вечности). На сходных позициях стоят и современные отечественные богословы, в частности протоиерей О. Давыденков [2017]. Тем не менее, в наше время им уже трудно игнорировать тот факт, что в XIX в. благодаря славянофилам для целого ряда философов термин «соборность» становится основанием толкования идентичности великорусской нации и истинного христианина – православного верующего. В противовес этой точке зрения западники полагали, что именно «соборность», проявляющаяся в русской общине, – препятствие для развития в нашем народе индивидуализма как основы прогрессивных устремлений передовой части нашего общества [Мищенко, 2011]. При этом все они рассматривали период XVI–XVII вв., когда земские и церковные соборы регулярно созывались.

Мы здесь согласны с современными отечественными богословами, которые полагают, что эти «штудии» уводят от собственно богословского понимания проблемы¹. С другой стороны, на наш взгляд, они далеки и от принципа историзма, так как не учитывают, в каких исторических условиях возник этот термин, а самое главное – этот институт – земский и церковный соборы. Летом 1922 г. сторонниками «белой идеи» во Владивостоке был созван так называемый Земский Собор. По их мнению, он мог бы сплотить против «большевистского зла» всех его противников. Однако мнимых земцев не поняли не только красные – их ярые противники, но и большинство белых в Приморье, не говоря уже о его населении [Цыпкин, 2002].

Не исключено, что термин «соборность» был введён в лексику восточных славян ещё равноапостольскими святыми Кириллом и Мефодием в IX в. н.э. при переводе ими

¹ Соборность – слово, которого нет в Символе веры. Не скучный сад. 2 (85). 30.01.2013. <http://www.nsad.ru/articles/sobornost-slovo-kotorogo-net-v-simvole-very> (Дата обращения: 09.08.2021).

богослужебных книг с греческого на их языки. И дело здесь вовсе не в ошибке «салунских братьев», а в необходимости приспособить новую, более сложную терминологию для общества, переживающего переход от варварства к христианской цивилизации. В словаре древнерусской лексики синонимом слова «соборный» является слово «сборный»¹, при том, что это и здание, и помещение, где собираются верующие, и понятие, насчитывающее более двадцати смыслов весьма широкого спектра. Материалом для словаря послужили письменные источники, охватывающие период с XI по XVII век. Приведём некоторые представляющие для нас интерес смыслы слова «соборный»:

- 1) общий, относящийся ко всем, в том числе общая молитва, для которой собираются в церкви;
- 2) составляющий общину;
- 3) вселенский, всеобщий (в отличие от сектантского);
- 4) относящейся к общественному богослужению, литургии;
- 5) относящейся к собранию высшего духовенства, церковному собору;
- 6) относящийся к собранию представителей сословий;
- 7) в философии общий (в противовес частному).

Из указанных семи значений, только два – 3-е и 7-е являются переводом греческого слова *καθολική*. Первое значение приведено в так называемой Ефремовой кормчей (XII в.) – наиболее раннем русском переводе греческого Номаконона [*«аще кто съборънѣи вѣрѣ исправльшѣ» (καθολική)*]. Вторая отсылка к термину *καθολική* содержится в переводах византийского богослова Иоанна Дамаскина для обозначения термина «философия» как учения об общем. В то же время русские книжники XI–XVII вв. словом «соборность» обозначали и другие понятия, не связывая их с греческим *καθολική* (2-й, 5-й смыслы) [Словарь..., 1996, с. 83–85].

С другой стороны, в русском языке XI–XVII вв. для обозначения понятия «вселенная» было другое слово – «миръ». Обращаясь к тому же источнику – «Словарю...», где в статье, посвящённой этому слову, даётся интересный пример – выдержка Остроумова Евангелия (XI в.) из греческого оригинала) [Словарь..., 1996, с. 165]: *«...яко възлюбилъ мя прегъже съложения мира»* (Ио, XVII, 24). В греческом оригинале «миръ» писался как *κόσμος* (космос). Характерно, что русское слово «миръ» имел и другой смысл. Это сельская община (слово встречается уже в краткой редакции Правда Русская («Аще пойметъ кто чюжь конь, либо оружие, либо портъ, а познаеть въ своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду»), в представлении ещё древнерусских смердов (термин крестьянин появился в русском языке на рубеже XV–XVI вв.) она осмысливалась как внутренняя вселенная, в которой замыкались все его интересы.

Итак, слово «миръ», по мнению историков русского языка, имеет разное пространственное значение как большая и малая вселенная. Слова «собор» (сбор) и «соборность» (вселенскость), таким образом, коррелируются со словом «миръ». Более того, слово «соборность», во-первых, было весьма многозначно, имело множество оттенков, во-вторых, оно, как правило, употреблялось при передаче наиболее важных смыслов, в-третьих, оно было адекватным как для передачи богословских терминов, переводимых с греческого, так и обыденных понятий. Самое главное – термин «соборность» был понятен широкому кругу православных верующих и «вверху», и «внизу». Он был органичен для XVI–XVII вв., когда сформировалась сословно-представительная монархия и созыв земских и церковных соборов был реальностью развития русской государственности. Как отмечают современные авторы, «...славянский термин, отсылающий нас к словам "сбор", "собрание", не чужд богословскому смыслу, в центре которого – Евхаристическое собрание как "наиболее полное выявление Церкви Божией"» [Задорнов, Ореханов, Кырлежев, 2013].

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. 1996. Выпуск 23 (Съ – сдымка). Гл. ред. Г.А. Богатова. Ин-т русского языка. М., Наука, С. 83–86.

В то же время будучи понятен широкому кругу русских людей в XVI–XVII вв. термин «собор» и производные от него «соборный», «соборность» способствовали легитимизации обозначаемых им светских и духовных институтов, что уже выходит за рамки их догматического и философского толкования и вводит его в правовое поле.

«Освященные» Соборы Русской православной церкви: понятие и наиболее важные критерии их определения

В ходе изучения доступной нам литературы и источников удалось выявить не менее полусотни церковных соборов, проведенных до начала XVIII века. Ещё в начале прошлого столетия известный церковный историк Н.Ф. Каптерев высказал мысль, что не все «сборы» церковных иерархов можно отнести к «освященным» соборам как *высший орган сословного представительства духовенства русской православной церкви* [Каптерев, 1906, с. 7]. Примечательно, что в качестве «прегрешений» патриарха Никона ему вменяли то обстоятельство, что он не созывал ежегодных совещаний епископов. Это рассматривалось как нарушение внутри церковной дисциплины [Шаров, 1895, с. 16]. В то же время в работах отечественных исследователей [Черепнин, 1978; Каптерев, 1906] большое число таких соборов просто упускаются из общего подсчёта или же, наоборот, единый собор разделяется на два и т.п., что ведёт к увеличению их числа (речь идёт о Большом Московском Соборе, который проходил в два этапа, но рассматривается большинством историков церкви как одно большое мероприятие) [Шаров, 1895.]. На наш взгляд, это происходит потому, что ни Н.Ф. Каптерев, который посвятил церковным соборам отдельную работу, ни другие исследователи не выдвигают критерии отнесения того или иного собрания (или совещания) иерархов церкви к «освященному» церковному собору.

Мы полагаем, что, кроме коллегиальности, такими критериями могут быть следующие признаки:

- 1) легальность, то есть законность, как с точки зрения духовенства, так и светских властей, с санкции которых данный собор был созван. Кроме того, важна и оценка этого собора в последующем, о чем пойдёт речь ниже;
- 2) представительность сословного собрания духовенства, то есть представляет ли он все духовенство и насколько отражает его позицию. В данном случае это и есть проявление «соборности» церкви;
- 3) важность принимаемых на соборе решений, охватывающих догматические и организационные аспекты её дальнейшего существования как истинно православной церкви.

Как правило, все эти признаки в той или иной мере присущи всем церковным соборам, хотя и не в полной мере. Обозначая эти критерии (признаки), мы учитываем два обстоятельства: во-первых, конкретную историческую обстановку, в которой проходили эти соборы и, во-вторых, ту оценку, которую давали и дали этому событию их современники, потомки и наши современники.

Первое неоспоримое сведение о церковном соборе, созванном на Руси, относится к упомянутому нами Владимирскому собору 1274 г., созванному митрополитом Кириллом в правление князя Даниила Александровича. Если исходить из источника, опубликованного в XIX в. [Русская..., 1880], круг участников собора был крайне узок. Кроме митрополита на нем присутствовали: Долгат Новгородский, Игнатий Ростовский, Феогност Переяславльский, Семеон Полоцкий и вновь поставленный на епископскую кафедру Серапион [Русская..., 1880].

После монгольского нашествия на Русь церковная жизнь в стране была в крайне расстроенном состоянии. Начался процесс смещения центра политической, культурно-религиозной жизни с южной Руси на северо-восток, что и отразилось на месте проведения и персональном составе собора. Митрополит Кирилл был первым первосвященником Митрополии Киевской и всея Руси [Строев, 1877]. Полномочий преподобного Кирилла было

недостаточно для того, чтобы созвать на собор всех русских иерархов. В то же время не мог ему помочь и князь Даниил Александрович – по сути, еще удельный, а не всероссийский правитель. Тем не менее решение собора о введении во внутрицерковную жизнь славянской Кормчей и принятые им «определения» имели огромное значение в упрочении положения православной церкви. Определения были приняты на Руси церковью и включены в многочисленные списки Кормчей вплоть до XV в. Правда, в поздних списках отсутствует первое определение, осуждающее симонию. Симония (греч. σιμωνία) – купля-продажа церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий. Таким образом, в течение 200 лет этот памятник канонического права был действующим нормативным актом церковного характера [Русская..., 1880].

Практика созывов церковных соборов возобновилась во второй четверти XV столетии при Великом Московском князе Василии II Темном. Они проходили в иных исторических условиях:

- во-первых, происходило ослабление власти Золотой Орды, распавшейся на многочисленные улусы;
- во-вторых, некогда могучая Византийская империя находилась на грани катастрофы и искала спасения в церковной унии с католичеством и папой Римским;
- в-третьих, шло неуклонное возвышение Москвы, чему не могли помешать ни интриги князей, ни вмешательство извне со стороны литовцев и поляков, ни борьба за великокняжеский трон между представителями московской династии. В этих условиях усиливается роль церкви и русского духовенства во внешней и внутренней политике Московского государства.

Особо следует отметить собор 1441 г., на котором свергли митрополита Исидора – яркого приверженца Флорентийской унии. Православные и католические участники Ферраро-Флорентийского Собора 5 июля 1439 г. подписали орос собора, который вошёл в историю как «Флорентийская уния». Уния состояла в признании православными католических догматов, в том числе и Вселенское верховенство папы Римского, правомерными. В оросе была лишь одна компромиссная оговорка: католическая месса и православная литургия объявлялись равнозначными, но одну служили в католических храмах, другую – в православных. Вся острота ситуации заключалась в том, что митрополит-униат был поставлен на митрополичью кафедру в Москве из греков не по желанию русского Великого князя, а по воле византийского патриарха. Последний, как и император ромеев, сам был сторонником унии. Действие московского собора и Великого князя, посадившего епископа Рязанского и Муромского Иова местоблюстителем митрополичьей кафедры, нарушало все нормы канонического права, ставившие московскую митрополию в подчинение константинопольскому патриарху. Однако только Москва сохраняла верность православию, тогда как все восточные церкви актом подписания Флорентийской унии склонили свои головы перед папой Римским. Московский великий князь как глава светской власти и московская метрополия, объединявшая христиан Северо-Восточной Руси, оказались единственными защитниками истинной веры – православия. С другой стороны, изгнание Исидора и поставление Иова в митрополиты означало фактическое установление автокефалии русской православной церкви, хотя юридически это произойдёт почти через полтора столетия с утверждением патриаршества на Руси.

Безусловно, с формальной стороны решения церковного собора 1441 г. не были безупречны. Однако он уже представлял не только иерархов церкви, но и все духовенство Московской Руси. Средневековый русский летописец отмечал, что Василий II созвал «...своя земли епископы, архимандриты и игумены, и всех книжники» [Полное..., 1910, с. 180]. На самом деле главными действующими лицами, помимо самого Великого князя, были епископы Северо-Восточной Руси: Ростовский, Суздальский, Рязанский, Коломенский, Сарайский, Пермский [Петрушко, 2018] Фактическая легитимность принятого на соборе решения подтверждается и тем, что его поддержали большинство москвичей. Об

этом косвенно свидетельствует тот факт, что они встали на сторону Василия II Темного в его борьбе с узурпатором Дмитрием Шемякой. Это в конечном счете обусловило победу первого над вторым [Петрушко, 2018].

В XVI в. церковные соборы стали проводиться чаще, чем в предшествующее столетие. На XVII в. выпадает почти три четверти от общего их числа за все три столетия. К этому времени сложилась «повестка дня» соборов. Они рассматривали:

- избрание сначала митрополитов, а затем патриархов;
- низложение первосвятителей;
- вопросы догматики и богослужения;
- канонизацию русских святых;
- осуждали вероотступников и раскольников;
- этические проблемы священнослужителей и мирян, укрепление дисциплины внутри церкви;
- материальное положение церкви (в том числе вопросы о допустимости симонии) и церковного землевладения.

По сути, церковные соборы к XVII в. становятся своеобразным сословно-представительным органом. Однако они отличались и от земских соборов, и от Боярской думы. Первые – земские соборы – представляли интересы всех господствующих сословий, церковные соборы – главным образом духовенства. Боярская дума, представлявшая интересы земельной аристократии, была постоянно действующим органом управления, церковные соборы – созывались по мере необходимости и, как правило, для решения острых и неотложных вопросов.

Председательствовал на соборах патриарх, а если его не было – один из авторитетнейших иерархов церкви. Обязательно участвовал царь, по инициативе которого и собирался собор. Однако господствовал не монархический, а коллегиальный принцип. Решающее слово принадлежало коллегии епископов и других иерархов церкви, которые, однако, ни в коей мере не могли игнорировать ни мнения государя, ни мнения первосвятителя.

Роль светских лиц, главным образом боярской аристократии, как правило, была пассивной. Однако в ряде случаев и они активно включались в работу соборов, особенно когда затрагивались их сословно-вотчинные интересы. Такие соборы Черепнин Л.В. квалифицировал как церковно-земские соборы. К ним, в частности, он причислил Стоглавый собор (1551 г.), Большой Московский собор (1666–1667 гг.) [Черепнин, 1978]. К таким соборам юристы-историки, публикаторы замечательного многотомника правовых памятников прошлого, относят вслед за Черепниным Л.В. соборы 1580 и 1584 годов, на которых рассматривались вопросы церковного землевладения. Хотя роль светского элемента на соборе, судя по сохранившимся документам, была не совсем ясна [Российское..., 1985].

Из общего числа соборов выделяются так называемые Большие соборы. Характерным примером является Московский собор 1666–1667 гг., проходивший с перерывами более года. Направленный главным образом против старообрядцев, он одновременно низложил Никона с патриаршего трона, выбрал нового первосвятителя, рассмотрел вопросы канонического характера. В борьбе со старообрядцами собор пошёл на крайнюю меру – отменил Стоглав. Полемизируя со своими оппонентами, участники собора 1666–1667 годов квалифицировали своё собрание как больший собор, то есть имеющий больше полномочий, чем собор 1451 г., на котором был принят Стоглав. В числе главных аргументов было то, что на соборе 1666–1667 гг. присутствовали и московский патриарх, и восточные патриархи, и более широкий круг иерархов церкви [Шаров, 1895].

Как правило, собор посвящался решению одной какой-либо проблемы. Цель созыва собора, его «повестка дня» может быть одним из критериев классификации церковных соборов XV–XVII вв. Так, на этом основании Н.Ф. Каптерев [1906] выделяет так называемые избирательные соборы, то есть те, на которых избирали Киевских и Всея Руси мит-

рополитов и Московских патриархов. Однако мы не согласны с его мнением о том, что такие соборы нельзя и назвать собственно церковными соборами. На наш взгляд, избрание нового митрополита или затем патриарха серьезно влияло на всю политику русской православной церкви, зачастую определяла его судьбу.

Отдельную группу соборов составляют так называемые судебные соборы, на которых предавались отступники от истинной веры христианской. Это могли быть как еретики, так и собственно отступники, как, например, патриарх Никон, который был низложен с патриаршего трона. Суд в любом случае носил инквизиционный характер. Никакой защиты и не предполагалось. «Виновный» должен был признать свою вину и раскаяться. В противном случае его ждало суровое наказание. Пример тому – судьба протопопа Аввакума.

Обсуждение норм церковного права, вопросов церковной догматике шёл в ключе диалога между царём и главными участниками собора в вопросно-ответной форме. Вопросы, как правило, если касались взаимных светских и церковных проблем, формулировались царем при участии патриарха и особо доверенных лиц. Ответы давались обычно митрополитом или патриархом и поддерживались остальными участниками собора.

Н.Ф. Каптерев [1906] указывает на сервильность иерархов, готовых согласиться на любые предложения царя. Действительно, ни царь, ни иерархи не желали вступать в открытый конфликт. Однако при столкновении интересов – обычно это вопросы церковного землевладения – отцы церкви проявляли завидное упорство и изворотливость. Так было на соборе 1551 г., большинство участников которого были иосифляне – сторонники сохранения церковного землевладения [Российское..., 1985]. Так было и на соборе 1688 г., который рассматривал вопрос о значительном увеличении числа епархий [Воробьев, 1885]. Согласившись с мнением молодого царя Федора Алексеевича, патриархат вместо новых 33 епархий открыл всего четыре, то есть, фактически саботировал решение собора. Правда, это произошло после смерти монарха [Каптерев, 1906].

Церковные соборы – характерный признак сословного представительства. Несмотря на то, что они проходили в период укрепления самодержавия и созывались по инициативе самого царя, роль других участников собора не была пассивной. В соборных «приговорах» (или «деяниях»), наряду с царем, непременно значатся имена митрополитов и патриархов, занимавших первосвятительский трон, а также епископов, возглавлявших церковные округа. Остальным, вероятно, отводилась роль статистов. К ним, в частности, относились «преподобные игумены» и «честные архимандриты», то есть настоятели (начальники) крупных монастырей и авторитеты церкви, которые уже своим присутствием легитимизировали сам собор. В целом же соборы умело отстаивали интересы церкви, решая при этом важнейшие проблемы церковной, а порой и светской жизни.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующее определение понятия «церковный собор» в контексте нашего исследования, применительно к русской православной церкви XV–XVII в. Итак, церковные (или «освященные» как их называли современники) соборы – это высший коллективный орган сословного представительства русской православной церкви XV–XVII вв., состоящий из собрания церковных иерархов и клира, во главе с первосвятителем (митрополитом или патриархом), созываемого царём (или великим князем) по мере необходимости, уполномоченного решать внутрицерковные и другие вопросы, затрагивающие интересы церкви и отстаивавшие особый статус духовенства как сословия.

Отдельно следует сказать о епархиальных церковных соборах. О них упоминается на известном нам Владимирском соборе 1247 г., а практика их созыва прослеживается до XVI в. Созывались они в так называемое соборное воскресенье раз в год. Инициатива исходила от епископа – главы епархии. Он же обращался к присутствующим на соборе с поучительным словом. Это был достаточно представительный институт, так как в нем

участвовало все приходское духовенство. Однако «освященными» церковными соборами их ни в коем случае назвать нельзя. На них решались сугубо внутренние епархиальные вопросы. В частности, они могли экзаменовать новопреставленных приходских священников на знание премудростей литургии [Неселовский, 1906; Памятники..., 1880].

Понятие «соборность» и конкретные мероприятия, связанные со сбором церковных иерархов и всего клира для решения важнейших вопросов развития церкви, взаимосвязаны между собой. Полагаем, что в XV–XVII вв., когда русская православная церковь регулярно созывала церковные соборы, противопоставлять понятия «соборность» и «собор» было нелепо. Более того, термин «соборность», включённый в русский перевод символа веры, отражал правосознание русского народа, легитимность всей системы власти, базирующейся на сословном представительстве, одним из важнейших элементов которого были церковные соборы.

Список источников

- Акты Земских соборов. 1985. Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Отв. ред. А.Г. Маньков. 512 с.
- Давыденков О., прот. 2017. Догматическое богословие. М., Изд-во ПСТГУ, 624 с.
- Памятники древнерусского канонического права. 1880. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.). Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Санкт-Петербург. Археографическая комиссия. Т. 6: [4], IV с., XX, 930. 316, 70 стб.
- Полное собрание русских летописей. 1910. Т. XXIII, Изд. 1-е. Ермолинская летопись. СПб., 252 с.
- Российское законодательство X–XX веков. 1985. Под общей редакцией О.И. Чистякова. Акты Земских соборов. Т. 3. 512 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1996. Выпуск 23 (Съ – сдымка). Гл. ред. Г.А. Богатова. Ин-т русского языка. М., Наука, 253 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1982. Выпуск 9 (М). Гл. ред. Г.А. Филин. Ин-т русского языка. М., Наука, 357 с.
- Строев П.М. 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., Павел Строев. X с., 1064, 68 стб.
- Цыпин В. А. 1994. Церковное право. Курс лекций. М., Круглый стол по религиозному образованию, Издательство МФТИ, 440 с.

Список литературы

- Афанасьев Н., протопресвитер. 2003. Церковные соборы и их происхождение. Москва, Свято-Филаретовский Прав.-Христианский институт, 201 с.
- Воробьев Г. 1885. О Московском соборе 1681–1682 гг. Опыт исторического исследования. СПб., 160 с.
- Каптерев Н.Ф. 1906. Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. Сергиев Посад, тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 121 с.
- Костромин К., прот. 2020. К вопросу о свойствах христианской общины. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*, 2(6): 5–16. DOI: 10/47132/2541-9587_2020_2_5.
- Макарий. 1883. Православно-догматическое богословие. Т. II. 4-е изд. СПб., Типография Р. Голике, 598 с.
- Мищенко А.В. 2011. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском. *Вестник МГТУ*, 14(2): 319–324.
- Неселовский А.А. 1906. Чины хиротессий и хиротоний (опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, Тип-я С.П. Киржацкого, 375 с.
- Петрушко В.И. 2018. Флорентийская Уния, Московский Собор 1441 года и начало автокефалии Русской Церкви. *Церковь и время*, 1 (82): 99–168.
- Цыпкин Ю.Н. 2002. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). (История возникновения, развития и гибели небольшевистских альтернатив развития Дальнего Востока России). Хабаровск, ХГПУ, 267 с.
- Шаров П.Ф. 1895. Большой Московский собор 1666–1667 гг. Киев., тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 200 с.
- Черепнин Л.В. 1978. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., Наука. 416 с.

References

- Afanasyev N., protopresbyter. 2003. Church councils and their origin. Moscow, Svyato-Filaretovsky Is Right.-Christian Institute, 201 p. (in Russian).
- Vorobyov G. 1885. About the Moscow Cathedral of 1681-1682 The experience of historical research. St. Petersburg, 160 p. (in Russian).
- Kapterev N.F. 1906. Tsar and Moscow church cathedrals of the XVI and XVII centuries. Sergiev Posad, publ. Holy Trinity. St. Sergius Lavra, 121 p. (in Russian).
- Kostromin K. F. 2020. K voprosu o svojstvah hristianskoj obshhiny [On the Question of the Properties of the Christian Community]. *Trudy kafedry bogoslovija Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*, 2(6): 5–16.
- Makarii. 1883. Orthodox Dogmatic Theology. Vol. II. 4th ed. St. Petersburg., publ. R. Golike, 598 p. (in Russian).
- Mishchenko A.V. 2011. O sobornosti kak ponjatii duhovnom, religioznom i filosofskom [On sobornost as a spiritual, religious and philosophical concept]. *Vestnik MGTU*, 14(2): 319–324.
- Neselovsky A.A. 1906. Ranks of ordinations and ordinations (experience of historical and archaeological research). Kamenets-Podolsk, publ. S.P. Kirzhatsky, 375 p. (in Russian).
- Petrushko V.I. 2018. Florentijskaja Unija, Moskovskij Sobor 1441 goda i nachalo avtokefalii Russkoj Cerkvi [The Florentine Union, the Moscow Cathedral of 1441 and the beginning of the autocephaly of the Russian Church]. *Cerkov' i vremja*, 1 (82): 99–168.
- Tsytkin Yu.N. 2002. Non-Bolshevik alternatives to the Development of the Russian Far East during the Civil War (1917–1922). (History of the emergence, development and development of non-Bolshevik alternatives to the development of the Russian Far East). Khabarovsk, KHSPU, 267 p. (in Russian).
- Sharov P.F., 1895. The Great Moscow Cathedral of 1666–1667. Kiev., publ. G.T. Korchak-Novitsky, 200 p. (in Russian).
- Cherepnin L.V. 1978. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemsky sobors of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. M., Nauka. 416 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», г. Хабаровск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan K. Voronin, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and history of state and law, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia